

Russische Übersetzung der Erzählung „Profis“ aus:

Kirsten Döbler, Ordnungsliebe, Verlagshaus Monsenstein und Vannerdat, Münster 2005, ISBN 3-86582-121-9.

Die russische Übersetzung wurde am 20. Mai 2009 veröffentlicht auf www.kirstendoebler.de

Übersetzung: Marina Basistowa, St. Petersburg

Автор: Кирстен Дёблер

Перевод: Марина Басистова, Санкт-Петербург

ПРОФЕССИОНАЛЫ.

Месяц назад. Бертольд купил себе место для захоронения – надземную нишу в стене в эксклюзивном колумбарии, да еще и с возможностью установить в ней специально изготовленную урну. Благородно и целесообразно – чего еще ждать от человека с северным характером. “Уютненко” – так он назвал место своего будущего покоя. Меня, по крайней мере, своим выбором он приводил в восторг: Мне там не надо будет пачкать свои шпильки, когда Бертольд однажды нас всех покинет.

*

Неделю назад. Мы все торчим перед мониторами и напрасно ждем, что сейчас из-за стеклянной перегородки своего рекламного агентства выйдет Бертольд, устремит блуждающий взгляд куда-то за окно, к гамбургскому Альстеру, и бросит в открытые двери наших офисов свое привычное «Доброе утро, Dreamteam!». Вместо этого в тот день мы все – каждый отдельный сотрудник, а также все его родственники и знакомые – получаем от него письмо. На молочно-прозрачной бумаге с поверхностью, напоминавшей что-то синтетическое, и с тонкой черной рамкой по краям.

Он называет это письмо собственноручным сообщением о смерти. И просит всех нас принять самое активное участие в траурной церемонии по поводу его кончины. Ему бы не хотелось так резко обрывать все связи с нами, и он хотел бы предоставить нам возможность высказать все то, что осталось еще недосказанным, не хотел бы обрекать нас в будущем на тяжелые воспоминания о почившем. Во время траурной церемонии

всем раздадут бумагу, а рядом с гробом поставят ящик для сбора прощальных писем, которые со всеми написанными словами будут сопровождать его в огне. Так, по крайней мере, он пишет.

*

Прошлый год. Бертольд, наш юрист Роберт, директор по маркетингу Франк и я сидим в Санкт-Петербурге в большом зале с высокими потолками и темной полированной мебелью. Мы тонем в просиженных сиденьях стульев и тянем шеи, чтобы соблюсти дистанцию между лбом и столешницей. Бертольд как раз делает неуместное замечание по поводу удобства мебели, которое я и не думаю переводить.

Перед нами сидят некоторые начальники отделов Петербургской городской администрации и их непосредственные заместители. Они прекрасно знакомы с концепцией Бертольда и находят ее безвкусной. Однако, они не хотят упустить это выгодное дельце ни для себя, ни для города. Поэтому проект снова представляется и обсуждается.

Удается протащить идею Бертольда по поводу рекламного ролика. В нем новейшая модель одного из ведущих американских производителей автомобилей появляется на Дворцовой площади и, исполняя балетно-автомобильные па, двигается к Зимнему дворцу под музыку Рахманиновской аранжировки «Звездно-полосатого флага». Русской стороне нужно только предоставить разрешение на использование Дворцовой площади для съемок. Детали будут обсуждаться во время многодневного пребывания в Гамбурге, финансирование которого, естественно, берет на себя немецкая сторона. На этом переговоры успешно для обеих сторон заканчиваются. А по сему, можно переходить к выпивке.

Один из завов звонит по телефону и в высоких массивных дверях возникает фигура в белой крахмальной наколке и фартуке, несущая в кабинет вождеденный напиток. Другая расставляет на столе закуски – маленькие, с золотой каемочкой тарелочки с огурчиками, рыбкой, колбасой и тарталетками с икрой. Рядом появляются хрустальные водочные рюмки и железные вилки.

Мы пьем за нашу встречу, за успешное сотрудничество, за женщин, за мир, за любовь, за детей, которые, конечно же, наше будущее.

Бертольд собирает русские слова. Он их легко запоминает и находит очень практичным блеснуть к слову выражением типа «моя голубка». И если разговор вдруг иссякает, громогласный возглас «Моя голубка!» приводит окружающих женщин в восторг.

В данном случае, среди присутствующих я – единственная женщина, поэтому у Бертольда есть возможность выучить что-то новенькое и он с удовольствием командует по-русски: «Стоя и до дна!». Саму процедуру он уже многократно повторил на деле и готов перейти к использованию «гусарского» способа питья. Он задирает руку перед своей гордой мужской грудью, ставит рюмку на локоть, берется губами за хрустальный край емкости с водкой и поднятием руки отправляет кристальную жидкость себе в рот. Надо сказать, он совсем неплохо это делает.

Когда Бертольд смотрится в зеркало, он кажется себе классным парнем. При этом он среднего роста, хрупкого телосложения с удивительно тонкими бедрами и икрами. Его жизненный лозунг: «Я самый великий» и «Все решаемо». Он так много, громко и напористо говорит, что просто не замечаешь, какой он на самом деле незначительный. Да и сам он частенько об этом не задумывается, тем более, что его происхождение, а родом он из крупной и успешной семьи коммерсантов, добавляет ему веса. А тот, у кого есть деньги, может блефовать по-крупному, и неважно при этом, какой ширины у тебя икры.

Дружеское застолье продолжается, и видно, что мускулы Бертольда постепенно отказываются ему служить. Несмотря на это, он настаивает, еще раз выпить по-гусарски за единственную присутствующую здесь женщину. Я не могу не оценить подобное предложение, особенно учитывая ухудшающееся по мере выпитого состояние Бертольда. Роберту и Франку приходится его поддерживать, чтобы он смог выпить очередные сто грамм со своими, в два раза превышающими его по весу русскими коллегами. «Стоя и до дна!» гремит Бертольд, пьет и неожиданно, словно мешок, падает вниз.

Он приходит в себя лишь на больничной койке в близлежащей поликлинике. Я раздумываю о том, не заказывать ли уже частный самолет в Гамбург. Однако, у русского врача, явно из военных, достаточный опыт борьбы с *большим* содержанием водки в крови. Он приводит Бертольда в чувство, и мы можем лететь обычным рейсом.

Уже дома, случай с падением бравого гусара заставляет Бертольда основательно задуматься о своем здоровье. Он рассказывает мне о результатах исследований и у нас появляется повод для серьезного беспокойства.

*

Неделю назад. В полной нерешительности мы все выползаем из своих офисов в коридор и вопрошающе смотрим друг на друга. Бертольд любит сюрпризы, особенно такие, после которых он предстает в роли ежика-победителя из всем известной сказки. Но даже от него нельзя ожидать такой подлой шутки. Мы начинаем потихоньку понимать, что нашего шефа мы, вероятно, никогда больше не увидим.

Отношение к случившемуся проявляется у всех по-разному. Значительность повода заставляет юриста Роберта весь день держать свои на редкость кустистые брови на самой верхней точке лба. Его заботит будущее распределение ролей и возможные последствия для его собственного пребывания в офисе. Ведь он имеет доступ ко всей информации и должен использовать это в своих личных целях – он всегда мечтал обладать той полнотой власти, что и Бертольд. Пусть даже не официально, пусть скрыто. Однако, Бертольд постоянно просекал все его интриги. Тем не менее, шеф не спешил с ним расстаться. В конце концов, опытного юриста просто так не выбрасывают на улицу. И теперь для Роберта настал момент триумфа, ведь он обошел хитрого ежика.

Распознать реакцию Андреаса мне трудно. Он как раз возится со сложным программным проектом, который Бертольд успел ему подкинуть до случившегося. Официально Андреас занимает у нас должность специалиста по Интернет-магазинам, однако Бертольд всегда считал, что он сидит на чужом месте. Андреас не умеет ни планировать, ни структурировать. Зато в работе с компьютером ему нет равных. Бертольду частенько был нужен кто-то, кто в выходные дни сможет повозиться с его собственным «железом» и Андреас с радостью соглашался помочь. Он был уверен, что Бертольд считает его гением, а тот лишь потешался над несчастным.

Андреас не умеет суетиться. Его обеденный перерыв длится вечно, при этом он очень любит полакомиться остатками вчерашнего ужина, разогретыми в микроволновке.

«Выглядит тошнотворно, не удивительно, что твоя собака этим не питается», – любил говорить Бертольд, при этом добавлял, – я вышвырну тебя вон, если ты до конца недели не справишься с разработкой Интернет-магазина для Schalk&Co.».

Однако, Андреаса трудно было сбить с толку, он всегда до конца доедал закуску и горячее.

В своем бюро сидит Марион и заливается слезами. Она наш вебдизайнер и такая же пухленькая, как надувной шарик. Ей, пожалуй, в самый раз поплакать, ибо все ее надежды не оправдались. Она была влюблена в Бертольда, при этом постоянно это отрицала и все его попытки сблизиться пресекала в самый решающий момент. Она не хотела присоединиться к окружавшей Бертольда свите женщин, за которыми он ухаживал назойливо и всегда с неизменным успехом. Марион не считала себя легкой добычей. Или все, или ничего.

Бертольд же откровенно развлекался, пытаясь вытащить ее из «меня-ты-никогда-не-получишь-убежища» маленькими знаками внимания. В один прекрасный момент, после целой серии очаровательных заигрываний, она, наконец, поверила бы, что он разглядел в ней что-то особенное. И она подарила бы ему свое округлое тело, о коем, слегка улыбаясь, он доложил бы чуть позже всему мужскому коллективу. При этом, ничуть не усомнившись в том, что все возможно, даже быстрее, чем ожидалось. Но их отношения не успели зайти так далеко. И Марион может спокойно оплакивать свою несостоявшуюся любовь.

*

Сегодня, 9.50 утра. Проспала. На душ уже не остается времени, такси вот-вот будет здесь. Я выдергиваю из шкафа свой самый темный костюм. Черно-белая блузка дополнит мой бледный вид, соответствующий случаю.

*

Неделю назад. Наш нотариус принес мне еще одно письмо от Бертольда. Письмо адресовано только мне и из него следует, что он назначил меня своим душеприказчиком в деле подготовки до- и послепохоронных мероприятий и только я

обладаю достаточным цинизмом, чтобы довести дело до конца. Я ощущаю, что меня наконец раскусили и берусь за дело.

Бертольд сам зарезервировал торжественный зал крематория на десять утра. После церемонии должны состояться поминки в ресторане Рандель, куда приглашены около двухсот человек. Мне остается только заказать «что-нибудь вкусненькое».

Для самой траурной церемонии он хотел бы использовать отрывки из Реквиема Моцарта. Кроме записи, должна звучать и живая музыка, и Бертольд просил пригласить струнный квартет Эппа. «Я же девчонок знаю лично». В качестве основного выступающего Бертольд предусмотрел своего друга детства Лоренца Зоммера – «Он мне обязан!». Подобающий тон должен будет задать очень известный всем госсветник – «Скажи старому засранцу, что на похоронах будет много знаменитостей».

Я получаю от Бертольда точные указания по поводу прощальных писем.

«Возьми с собой на церемонию конверты, на которых напечатай «Прощальные слова Бертольду фон Бойзену». Запасись карандашами, их найдешь в достаточном количестве в верхнем ящике моего стола.

Подыщи такой ящик для сбора писем, чтобы он выглядел вызывающим доверие и поставь его у гроба. Ведь ты, очевидно, уже догадалась, что я не предполагал сжигать эти послания вместе с моим телом. Я попросил работника кладбища, чтобы он отдал тебе все после церемонии. За его любезное сотрудничество он должен получить небольшое финансовое вознаграждение – найдешь в том же верхнем ящике стола.

Тебя же я прошу все послания просмотреть, откорректировать, для того чтобы их можно было публиковать, и встретиться по этому поводу с господином Лезером из издательства «Харвест». Он открыт для любых новых идей, и такая коллекция прощальных писем может стать чем-то очень необычным и достойным для публикации под его началом.

Было бы также неплохо, если мой старый друг Лоренц Зоммер напишет предисловие для этого издания – свою краткую биографию и некоторые фотографии я уже подготовил. А чтобы книжонка хорошо продавалась, изобрети какой-нибудь социальный проект, который можно поддержать с полученного гонорара – хорошую ПР-акцию, может быть помощь для бездомных русских детей – короче, обсуди с Лезером.»

Бертольд объяснил мне, что гроб нужно перенести после церемонии в другое здание.

«Постановку урны проведем уже после обеда в узком кругу родственников и некоторых друзей – в приложении к письму найдешь список тех, кого я имел в виду. И позаботься, пожалуйста, о том, чтобы туда не прорвалась ни одна из моих голубок, чтобы перереветь мою жену – я знаю, что в нужной ситуации ты сможешь быть нахальной.»

Последние слова письма были обращены лично ко мне: *«Вспоминай обо мне иногда, старая моя потаскушка.»*

*

Сегодня, 10.05. Я выскакиваю из такси и направляюсь к зданию крематория, уже слыша доносящиеся звуки «Introitus» – первые моцартовские такты Реквиема, что свидетельствует о начале церемонии. Надеюсь только, что гости, прибывшие на прощание, успеют занять свои места за шесть минут тридцать девять секунд. Все получается даже быстрее, ибо на улице льет как из ведра и многие уже успели зайти в здание.

Поначалу мы слушаем Реквием в записи в исполнении Леонарда Бернстайна, которую он посвятил памяти своей жены. В какой-то момент я сомневаюсь, правильно ли выбрала музыку и не очень ли это все безвкусно.

Последние такты музыки иссякают. «Et lux perpetua luceat eis». Лоренц Зоммер вступает на трибуну и начинает борьбу со своей туго завязанной шеей. Откашлявшись, он, наконец, избавляется от музыкальных пут – теперь можно углубиться в детство и юность Бертольда.

Лоренц отлично справляется со своей задачей, он находит именно тот тон, который умиротворяет безутешных родственников, позволяет друзьям перевести дух, даже для отъявленных циников находит нужные слова, а в остальном – не оставляет и тени сомнения, что Бертольд всегда был особенным человеком.

Только после того, как струнный квартет Эппа переходит ко второй половине «Adagio con dolore» Лудольфа Нильсенса, я осознаю, что Бертольд тоже здесь, с нами. Даже с ганзейской точки зрения, при виде его гроба не может быть и речи о преуменьшении значимости события, тем не менее, я только сейчас осознаю, по какому поводу на

самом деле мы слушаем мастерское исполнение четырех дам и пытаюсь объяснить себе свою несобранность моим утренним фальстартом.

Теперь очередь за государственным советником, который вступает на кафедру и выдает до мельчайших деталей отточенный текст, написанный его личным референтом и так мало соответствующий действительности, что даже сам выступающий в недоумении – вряд ли почивший был уж таким совершенным. Циники торжествуют, Бертольд сам виноват – зачем он искал этой близости с властью.

Я почти переживаю, что в этом месте не предусмотрела проникновенную «Dies irae» из Реквиема Моцарта. Но уже снова звучит струнный квартет, и на очереди брат Бертольда, профессор английской литературы, готовый приблизиться к печальному событию с помощью цитат из Милтона и других поэтов туманного Альбиона. Бертольд ненавидел цитаты, ибо всегда придерживался той точки зрения, что человек должен сам читать, сам писать, сам переводить, но никогда не цитировать и это, по его мнению, недопустимо в ПР-бизнесе.

К радости присутствующих, с выступлением брата речи закончились. Для этого момента я выбрала одиннадцатую часть Реквиема «Sanctus» в качестве короткого и ободряющего послесловия, после которого Лоренц объяснит присутствующим процедуру с прощальными письмами. Карандаши с надписью «Б. фон Бойзен – вся жизнь это ПР» (в чувстве юмора Бертольду нельзя отказать) и бумагу всем раздали еще до начала церемонии. И пока звучит шестая часть Реквиема «Lakrimosa» письма должны быть написаны.

Я уверена, что Бертольд не имел бы никаких возрождений против моего видения очередности частей моцартовского Реквиема. Но по себе знаю, что при первых звуках «Lakrimosa» слезы льются как по команде, и полагаю, что слегка всплакнув, легче писать прощальные строки.

Вокруг меня все действительно что-то пишут. С начальными звуками сопрано из последней части «Lux aeterna» с глазами полными Лакримозы, я пробираюсь вперед, чтобы выполнить свою последнюю миссию – собрать написанное.

Когда последний гость покидает зал и все приглашенные направляются на эксклюзивный бранч в ресторан Рандел, я отдаю небольшой конвертик служителю и бегу с пачкой прощальных писем к ближайшему туалету. По дороге пытаюсь оценить

количество – честно говоря, я ожидала, что писем будет меньше. Ясное дело, прилюдно никто не решился отказать Бертольду в его последнем желании.

Многие решили проблему обычным путем: «Мир праху твоему» или «Вечная память». Другие не поленились поделиться своими размышлениями и даже находчивостью в выражении своей скорби, о чем, очевидно, с удовольствием не раз с удовлетворением вспомнят в будущем.

Пробегаю взглядом написанное четким почерком послание, в котором бывший партнер по бизнесу со всей справедливостью выговаривает Бертольду свои претензии, которые не успел предъявить раньше. Но, в основном, всем хочется еще раз похлопать почившего по плечу и в последний раз сказать, что уж надежным партнером он был без сомнения и деловыми качествами обладал отменными – представляю, как Бертольд повеселился бы, слушая все это.

Одна из записок состоит только из четырех букв «ПТВЖ» и я уверена, что эти крупные с неприятно большим наклоном вправо написанные буквы, написаны Робертом.

На скорую руку никак не найти письма от Андреаса. Так или иначе, мне кажется, он не решился ничего написать. При этом он покинул зал для прощальных церемоний первым, и уж точно первым оказался в ресторане в поисках лучшего места за столом.

Внучка Бертольда нарисовала картинку, на которой дедушка с крыльями вместо рук летит среди бесформенных облаков и разбрасывает вниз, на землю большие конфеты.

Что касается Марион, от нее я ожидала более внушительного послания. Ее многократно сложенная записка гласила: *«Возлюбленный, может быть в другой жизни мы используем свой шанс. В вечной любви, М.»*

Я вытаскиваю свое письмо и кладу его наверх:

«Окей Бертольд, преклоняюсь перед твоей инсценировкой. Мы с тобой здорово справились. В конечном счете, мы же профессионалы. Правда, теперь, ты можешь только кусать гранит. Должна тебя разочаровать. Я не собираюсь воплощать в жизнь твой проект с книгой, ибо моя миссия на этом закончена».

И при этом мои намерения смертельно серьезны. Я сажусь в такси и прошу водителя по пути в ресторан остановиться ненадолго на берегу Альстерканала. Там, утопая высокими каблуками в вязкой земле, я и придаю воде все написанное Бертольду.